

Трансформация института адвокатуры и процессы юридической профессионализации в постсоветской России

В статье анализируется с позиций концепции юридического поля процесс институциональной профессионализации адвокатского сообщества в постсоветской России. Автор делает вывод о том, что появление новых институциональных и индивидуальных акторов юридического поля способствовало формированию различных интересов и подходов к осуществлению юридических услуг. Подчеркивается, что, несмотря на создание в начале 2000-х гг. единой организационной структуры адвокатского сообщества, внутренне оно остается разделенным и стратифицированным. В некоторых аспектах своей деятельности адвокатское сообщество пытается отстаивать профессиональную автономию. Тем не менее, в ситуации внутрикорпоративного конфликта актуализируется сформированная в советский период модель взаимодействия института адвокатуры и поля политики. Юридическая профессионализация организаций, защищающих права уязвимых сло-

ев населения, рассматривается в статье как структурируемая неравным доступом к материальным и символическим ресурсам. Особое внимание автор уделяет формированию в таких организациях профессиональной идентичности, соединяющей в себе правозащитную и юридическую составляющие.

Ключевые слова: социология права, концепция юридического поля, институт адвокатуры, профессиональная идентичность, юридическая профессионализация.

doi:10.33491/telescope2019.401

Елена Масловская
ведущий научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал
ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

В советский период правовые институты занимали подчиненное положение, являясь скорее продолжением исполнительной власти, чьи решения они оформляли. Господствовало представление о единстве системы правоохранительных органов, в которой суд являлся лишь последним звеном, не имеющим самостоятельного значения. Кроме того, политические институты определяли специфику функционирования правовых институтов. В конце 80-х гг. перестройка актуализировала латентный конфликт интересов внутри юридического поля, сопровождавшийся разновекторностью реформаторских предложений. Юристы до тех пор являлись профессиональной группой, интегрированной в единодушно признаваемую иерархическую структуру. Но экономический и социальный кризис выявил тех, кто в силу своего положения в профессиональной иерархии и диспозиций оказался не склонен соглашаться с уже сложившимся определением их статуса.

Идеи правового государства, получившие распространение в официальном дискурсе, предполагали расширение прав личности, ее возможностей защитить себя, в том числе и в зале суда. Внутреннее соотношение сил юридического поля могло измениться вслед за тем, как менялось в политическом поле место групп, интересы которых они выражали. Стало возможным изменение иерархии в разделении юридического труда, как она представлена в иерархии специализаций, а именно переход высших позиций от государственного права к гражданскому. Таким образом, адвокаты, выполнявшие роль статистов в советской правовой системе, могли стать реальными акторами юридического поля.

В первой части статьи обосновывается выбор концепции юридического поля, дополненной подходами социологии общественных движений, в качестве теоретической рамки анализа. Во второй и третьей частях статьи анализируется трансформация института адвокатуры в позднесоветский и постсоветский периоды. Особое внимание уделено усложнению юридического

поля, конкуренции между «старыми» и новыми институциональными и индивидуальными акторами. В ключевой части рассматривается юридическая профессионализация организаций, защищающих права наиболее уязвимых слоев населения. Обсуждается формирование у сотрудников таких организаций профессиональной идентичности, соединяющей в себе юридическую и правозащитную составляющие.

Теоретические основания анализа процесса профессионализации в правовой сфере

В последние несколько лет социологами неоднократно изучались структура и деятельность различных профессиональных групп юристов, в том числе адвокатов [Kazun, Yakovlev, 2017; Mrowczynski, 2016; Hendley, 2018]. Однако в таких исследованиях в большинстве случаев недостаточно использовались теоретические ресурсы современной социологии права. В результате профессиональная деятельность юристов, как правило, не рассматривалась в контексте широких социальных процессов, происходящих как в правовой сфере, так и в обществе в целом.

Одним из перспективных теоретических подходов в исследованиях правовой сферы является разработанная П. Бурдые концепция юридического поля. Согласно Бурдые, юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать свод текстов, закрепляющих легитимное видение социального мира. Практики агентов юридического поля формируются на основе сходного опыта, приобретенного в ходе обучения праву и профессиональной деятельности. Бурдые использует понятие юридического габитуса для обозначения одинаковых диспозиций агентов, структурирующих их восприятие и оценку конфликтов, которые должны быть преобразованы в юридические прения. С его точки зрения, постоянство и однородность юридических габитусов ле-

жат в основе той предсказуемости и просчитываемости, которую Вебер приписывал рациональному праву [Бурдьё, 2005: 97].

В рамках юридического поля складывается специфическое разделение труда. Прежде всего, существует различие между «теоретиками», занятыми разработкой правовой доктрины, и «практиками», ориентированными на непосредственное применение правовых норм. К первой группе относятся, в частности, профессора юридических факультетов, а ко второй — судьи, которые в определенных случаях участвуют в правотворчестве. Вместе с тем, представители этих двух групп должны учитывать точку зрения других категорий юристов, действующих в интересах своих клиентов. В конечном итоге, как указывает Бурдьё: «Практическое значение закона в действительности не может определяться иначе, чем в конфронтации между различными корпусами, движимыми специфическими разнонаправленными интересами (судейским, адвокатским, нотариальным и т. д.), которые также поделены на группы, преследующие подчас противоположные интересы в зависимости от своего положения в профессиональной иерархии, находящегося в прямом соответствии с положением их клиентуры в социальной иерархии» [Бурдьё, 2005: 84].

Бурдьё подчеркивает, что формирование юридического поля с необходимостью предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой компетентностью, которая позволяет установить монополию профессионалов на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги. Процесс развития юридического поля происходит в условиях конфликта между стремлением к расширению рынка юридических услуг и увеличением автономии поля, т.е. разрыва между «профанами» и профессионалами. Результатом, в частности, является профессионализация акторов, вступающих в юридическое поле, вход в которое предполагает освоение риторики автономии, безличности и нейтральности, специфической формы суждения, которая «была бы несводима к ненадежным интуициям чувства справедливости» [Бурдьё, 2005: 83] и выводилась бы из свода правил и процедур, претендующих на непротиворечивость и универсальность.

С одной стороны, в среде профессионалов, подчиняющихся логике конкуренции внутри поля, происходит усиление наукообразности с целью сохранения монополии на легитимную интерпретацию законов. С другой стороны, в среде профанов возрастает стремление все чаще основываться на юридических аргументах и пользоваться услугами если и не адвокатов, то полупрофессиональных посредников. Последние в свою очередь также озабочены приданием своим выступлениям большей техничности, авторитетности и подчеркиванием нейтральности своей позиции.

Концепция юридического поля Бурдьё выступает как одно из основных теоретических направлений в мировой социологии права [Dezalay, Madsen, 2012]. Исследования юридической профессии нередко ориентируются на данную концепцию. Социологи, обращавшиеся к изучению юридической профессии, подчеркивают рост сложности юридического поля и сопутствующие этому изменения профессиональной идентичности юристов [Sommerlad, 2007; Francis, 2011]. В частности, результаты ряда социально-правовых исследований свидетельствуют о том, что тенден-

ции к профессионализации и институционализации проявились в различных социальных движениях, таких как феминистское, экологическое и правозащитное [Kawar 2011].

При этом социальные ученые отмечают, что роль юристов в данных движениях определяется, прежде всего, двумя факторами: особенностями социальных связей внутри самого движения и доступностью внешней поддержки и финансирования [McCann 2006]. Вместе с тем юристы, действующие в интересах этих движений, не являются монолитной группой, но отличаются многообразием идеологических установок, интересов и мотиваций. Исследования выявили также напряжение между профессионально-юридической и активистской позициями, что подтолкнуло к необходимости изучения отношений власти на микро-уровне в ходе взаимодействия юристов-правозащитников и клиентов [Sarat, Scheingold 1998].

Исследования деятельности правозащитных движений и организаций в значительной степени сфокусированы на США и странах общего права, хотя в ряде случаев проводился и сравнительный анализ, в частности, американских и французских правозащитных объединений [Kawar 2011]. Ряд зарубежных ученых обращались к анализу особенностей деятельности российского правозащитного движения [Owen 2015]. В частности, объектом исследования стали обращения российских правозащитных организаций в Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) [Van der Vet 2014]. Однако в этих работах не уделялось внимание процессу юридической профессионализации правозащитной деятельности. Вместе с тем с начала 2000-х гг. наблюдается тенденция к юридической профессионализации российских правозащитных организаций.

Трансформация института адвокатуры в период перестройки

В конце 1980-х годов в силу сложившихся в СССР социально-экономических и политических обстоятельств государственный аппарат был вынужден ослабить контроль и надзор за адвокатурой. В феврале 1989 г. был создан Союз Адвокатов СССР, чему предшествовала борьба с привлечением сторонников среди высших слоев политической бюрократии и центральных СМИ. Однако превращения адвокатов в оппозиционно настроенную по отношению к государству политическую силу не произошло. В отличие от адвокатов в восточноевропейских странах [Mrowczynski, 2016], в конце 80-х — начале 90-х годов российские адвокаты ограничились борьбой за свои профессиональные интересы, демонстрируя отсутствие политической активности. Следствием нежелания непосредственно участвовать в политической жизни явилось не только ограничение возможности социального использования права, в частности, в сфере борьбы граждан за свои права, но и отсутствие у адвокатов социальной поддержки вне юридического поля.

Сопrotивляясь снижению административного веса в юридическом поле, чиновники Минюста были готовы пойти на компромисс и предоставить адвокатам широкую автономию, оставив за собой функции патронажа и контроля. Открытое сопротивление адвокатов, особенно после создания Союза адвокатов СССР, предопределило формы и методы действий чиновников Минюста. Прежде всего, было решено начать эксперимент по расширению юридических услуг, предоставляемых на развивающемся пространстве рыночных отношений. С 1989 г. стали создаваться, а затем и

регистрироваться т.н. параллельные коллегии адвокатов, заполнявшие, в том числе бывшими сотрудниками правоохранительных органов и прокуратуры, предпочитавшими использовать свой социальный капитал в новых целях. В условиях невостребованности многих специальностей в параллельные коллегии устремились те, кто получил второе юридическое образование, желая приобрести экономически более предпочтительную и ставшую социально престижной профессию [Корнеева, 2006: 135].

Разнообразие организационных структур, выразившееся в создании нескольких национальных адвокатских объединений, традиционных и параллельных коллегий, новых видов юридических учреждений способствовало появлению различных интересов и подходов к осуществлению юридических услуг. Началась конкурентная борьба внутри профессиональной группы по вопросам юрисдикции и идентификации, за установление стандартов профессионального поведения, монополию на рынке соответствующих услуг. По мнению американской исследовательницы П. Джордан, такая ситуация «отражала происходящие в целом в российском обществе процессы: усиление конкуренции подгрупп, неспособных к компромиссу или выработке консенсуса» [Jordan, 1998: 771].

Фактическим результатом эксперимента Минюста явилось формирование двух страт внутри адвокатского сообщества: 1) адвокатов традиционных коллегий (советского периода), которые несли на себе бремя низкооплачиваемых, назначаемых судом уголовных дел; 2) адвокатов параллельных коллегий, которые, как правило, обслуживали клиентов из бизнес-сообщества. По своей организационной структуре два вида коллегий были в значительной степени аналогичны. Несмотря на попытки ввести западные модели организации деятельности и управления, в большинстве параллельных коллегий воспроизводились прежние принципы администрирования. Кроме того, требования самостоятельности от государственных органов были сведены лишь к автономии от Минюста, тогда как потребность в институциональном патронаже со стороны поля политики продолжала сохраняться в качестве основополагающей идеи деятельности адвокатов.

Еще один вид стратификации внутри профессионального сообщества возник в связи с разрешением Минюста РСФСР в 1991 году создавать новые виды институциональных акторов юридического поля в форме бюро или юридических фирм. Официально провозглашенной целью было расширение рынка юридических услуг. Помимо данной цели, можно предположить и стремление расширить собственную юрисдикцию — посредством лицензирования частнопрактикующих юристов и частных фирм. Вполне вероятно, что нежелание способствовать превращению адвокатуры в сильную профессиональную группу также могло определять действия чиновников Минюста.

Адвокаты обоих типов коллегий предпочитали создавать бюро, поскольку их правовой статус позволял осуществлять юридическую практику на коммерческой основе без необходимости покидать адвокатскую основу в качестве лиц, занимающихся юридической деятельностью с целью получения прибыли. Тот факт, что новая группа клиентов — предприниматели разного уровня — нуждалась в экспертах по различным отраслям права, предопределил их более частое обращение в бюро или частные фирмы, но не в юридические консультации. В условиях появления массы частных собственников также возникла потреб-

ность в юристах, занимающихся регистрацией компаний, составлением уставных документов, управленческих планов, помогающих осуществлять налоговую политику. Традиционная компетенция адвокатов перестала в полной мере отвечать возникающим юридическим потребностям, в целом новому состоянию юридического поля. Не обладало адвокатское сообщество и достаточными организационными ресурсами для сопротивления решению Минюста о разрешении частнопрактикующих юристов и частных фирм.

При финансовой поддержке западных фондов создавались некоммерческие организации по оказанию юридической помощи. Среди обратившихся преобладали наименее обеспеченные слои населения — еще одна группа клиентов, чьи интересы в сфере гражданско-правовых отношений явно не стремились защищать члены адвокатского сообщества. Адвокаты, продолжавшие работать в юридических консультациях, несли бремя принятия большего числа малооплачиваемых уголовных дел по назначению суда. Сложившаяся стратификация внутри адвокатского сообщества обострила противоречия между интересами различных подгрупп и создала напряжение по вопросу о распределении общественных обязательств адвокатов.

В некоторых аспектах своей деятельности адвокатское сообщество пыталось осуществлять контроль над профессией, подчеркивая свою независимость от государства: началось издание независимых журналов, представляющих профессиональные ассоциации адвокатов, была создана информационная система мониторинга нарушения прав адвокатов со стороны государственных органов, последовали отказы предоставлять ежегодные отчеты о работе коллегий в Минюст, усиливалась роль адвокатского сообщества в юридическом образовании. Тем не менее, в ответ на действие дестабилизирующих сил как внутри, так и вовне адвокатуры адвокаты следовали сложившейся в предыдущий исторический период модели отношений между адвокатурой и государством [Jordan, 1998: 774-775]. Масштаб и постоянство вмешательства чиновников Минюста и других исполнительных органов в профессиональную сферу адвокатской деятельности вполне соответствовал степени готовности самих адвокатов признавать государство в качестве своего патрона именно в смыслеобразующих для адвокатов как профессиональной группы аспектах.

Институт адвокатуры в постсоветской России

С 1992 г. в Государственной Думе рассматривался законопроект об адвокатуре. Модель адвокатуры формировалась под влиянием западноевропейской континентальной традиции, в рамках которой выражена идея публичного, общественного служения. Такая трактовка главной функции деятельности адвокатов в большей степени позволяла расширить административное участие органов юстиции в деятельности данного правового института. Адвокатов к согласию с подобной трактовкой побудило, прежде всего, стремление получить легализацию со стороны государства и гарантии того, что им будут оплачивать участие в уголовных делах, назначаемых им судами.

В целом к концу 90-х гг. адвокаты не удержали монополию на осуществление юридических услуг, не смогли сохранить возможность коллегий обеспечить финансовое благополучие своим адвокатам и убедить население в том, что их деятельность направлена на защиту прав и интересов граждан вне зависимости от уровня благосостояния. После того как контроль над

судами был передан в Судебный департамент, завершив очередной этап бюрократизации судебной системы, возникла потребность в усилении позиции ведомства в юридическом поле — расширении контроля Минюста по отношению к другим правовым институтам. Однако адвокаты считали возможным приспособиться к сложившимся условиям, по сути, не выдвигая требований к государству о выполнении им взятых на себя обязательств.

Принятый в 2002 г. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» явился завершением длительных дискуссий между представителями конкурирующих подгрупп адвокатского сообщества, государства и других профессиональных групп юридического поля по вопросу о реформировании российской адвокатуры. Закон ликвидировал множество коллегий адвокатов и ввел региональные палаты адвокатов, объединенные в Федеральную палату адвокатов, тем самым юридически оформив создание единой организационной структуры адвокатского сообщества. Однако данное сообщество оставалось разделенным и стратифицированным. Представители бывших традиционных коллегий высказывали озабоченность профессиональным ослаблением сообщества после слияния коллегий, роста числа адвокатов, пришедших через параллельные коллегии. Постоянно подчеркивалась несопоставимость уровня инкорпорированной формы культурного капитала адвокатов бывших традиционных и параллельных коллегий. При этом адвокаты в большинстве своем выступали в поддержку собственной «мазунполии» на юридические услуги [Jordan, 2005; Kazun, Yakovlev, 2017].

Учитывая наличие носителей культурного капитала различного уровня среди претендентов на статус адвоката, создатели закона ввели обязательную процедуру сдачи экзамена в палату и документальное подтверждение прохождения стажировки в качестве помощника адвоката. Данные нововведения были связаны не только со стремлением увеличить символический капитал сообщества, но и обусловлены стремлением монополизировать рынок адвокатских услуг.

Вместе с тем, российским законодательством была предоставлена возможность любому актору юридического поля, обладающему институализированной формой культурного капитала юриста, участвовать в качестве защитника в ходе судебного разбирательства по гражданским искам. Тем самым, новые индивидуальные акторы юридического поля вступают в конкурентную борьбу со «старыми» агентами — членами адвокатских палат — за право на толкование закона, на навязывание стандартов профессионального поведения, перераспределение экономического и символического капитала. Представляя свои интересы как неразрывно связанные с общественными интересами и потребностями потенциальных клиентов, адвокаты оценивают расширение круга защитников как угрозу праву клиента на квалифицированную помощь, поскольку деятельность вольных юристов не урегулирована никакими дисциплинарными и этическими правилами, хотя и признают, что она может быть при этом качественной [Баренбойм, Мозолин, Резник, 2007].

В целом можно сделать вывод об увеличении влияния адвокатов в юридическом поле современной России. Адвокаты представляют клиентов в арбитражных судах по экономическим делам или при подаче жалоб на государственных чиновников и государственные органы. И все-таки именно в уголовном судопроизводстве наиболее отчетливо проявляются особенности ста-

туса адвоката и границы его автономии. Ни структурно, ни с точки зрения методов деятельности и форм их обоснования пространство уголовной системы не лишилось своих советских корней. Адвокаты продолжают сталкиваться с сильным обвинительным предубеждением против их клиентов, в том числе и в области экономических преступлений, несмотря на тот факт, что формально методы и приоритеты деятельности изменились. Анализ юридического дискурса свидетельствует о наличии глубоко укоренившегося противостояния между адвокатами, с одной стороны, и представителями прокурорско-следственной и судебной системы, с другой. В таких условиях адвокаты, выступающие в суде, считают, что они находятся в окружении, которое в значительной степени является враждебным.

В то же время адвокаты способны к коллективному сопротивлению, что продемонстрировало, в частности, обсуждение поправок к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», проходившее в 2008 г. Согласно предложенным поправкам государственные чиновники получили бы более широкие возможности вмешательства в деятельность адвокатов. Прежде всего, предполагалось наделить Росрегистрацию правом лишения адвокатского статуса в случаях отказа палаты адвокатов удовлетворить жалобу, представленную государственными органами. Кроме того, Росрегистрация могла бы получить право требовать у адвоката обязательного представления любых материалов находящегося у него дела. Данные поправки были восприняты адвокатским сообществом как попытка ограничить его самоуправление и вмешаться во взаимоотношения адвоката и клиента.

Изменения в Федеральном законе должны были обсуждаться в законодательных собраниях каждого из российских регионов. В результате успешной лоббистской деятельности в ряде регионов, включая Москву, адвокаты смогли предотвратить внесение поправок в законодательство. Тем не менее, данный эпизод продемонстрировал, что «коллективная автономия адвокатов в значительной степени зависит от личных связей ведущих представителей профессии, а не от прочно установленных институтов и процедур» [Mrowczynski, 2016: 15].

В свою очередь, организационная структура адвокатского сообщества, установленные институты и процедуры внутри самого адвокатского сообщества нередко препятствуют разрешению споров между отдельными адвокатами и руководством региональных палат. Свидетельством этого является ситуация в Адвокатской палате Республики Башкортостан, произошедшая в начале текущего года, когда один из адвокатов был лишен статуса по представлению суда. Этому предшествовали длительный конфликт адвоката с советом республиканской адвокатской палаты, спорное дисциплинарное производство. Затем последовали неудачная попытка адвоката решить спор в судебном порядке и обнаружение им документов, свидетельствующих об аренде помещения палаты у родственницы одного из ее руководителей. В результате группой адвокатов из 32 человек было направлено «Открытое обращение» председателю Следственного комитета РФ с просьбой «обеспечить объективное и своевременное расследование... всех данных о финансовых и иных злоупотреблениях представителей органов управления» Адвокатской палаты Республики Башкортостан¹. Тем самым адвокаты вновь продемонстрировали приверженность сложившейся модели обращения к государству для раз-

решения внутрикорпоративных споров и отсутствие реальных механизмов их разрешения в самом сообществе.

Кроме того, случай краснодарского адвоката Михаила Бенеша, выступавшего в качестве защитника задержанных на акциях протеста и ставшего объектом двух уголовных дел, демонстрирует наличие определенного раскола внутри адвокатского сообщества по «идейным» линиям, поскольку он был поддержан только небольшой группой коллег². В основе такого раскола лежит стремление дистанцироваться от правозащитной деятельности и неприятия изменения профессиональной идентичности определенной части представителей адвокатского сообщества.

Юридическая профессионализация правозащитных организаций

В условиях слабости гражданского общества оказываются неэффективными методы «классической» правозащитной деятельности, такие как мониторинг нарушений прав человека, составление докладов и обращения в государственные органы с предложением обратиться внимание на выявленные проблемы. При этом юридизация различных сфер российского общества диктует необходимость придания любой жалобе или обращению юридически значимой формы. Распространенной становится практика привлечения юристов для работы в интересах правозащитных организаций. Следует отметить тот факт, что уровень юридической профессионализации во многом определяется специализацией правозащитных структур. В большей степени тенденция к расширению сферы профессиональной юридической работы выражена в тех организациях, которые не ограничиваются мониторингом нарушения прав человека и просветительской деятельностью, но отстаивают права уязвимых групп населения, например, жертв незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Сотрудникам правозащитных организаций, противодействующих нормализации незаконного насилия правоохранительных органов по отношению к задержанным и осужденным, приходится восполнять пробелы официального следствия и даже брать на себя некоторые его функции, проводя параллельное (общественное) расследование. Такие организации осуществляют юридическое сопровождение пострадавших в период предварительного расследования уголовного дела и в ходе судебного разбирательства, представляют интересы пострадавших в международных инстанциях. Очевидно, что такого рода деятельность предполагает наличие квалификации, специальных знаний и навыков. Сведение реальности к ее юридическому определению подразумевает переосмысление всех аспектов ситуации, чтобы представить предмет спора в качестве дела, т.е. юридической проблемы, способной стать объектом профессиональных прений.

Другими словами, требуется работа по конструированию иной социальной реальности, которая оказывается прерогативой юристов. В то же время закрытость юридического поля, которая выражается в специфических категориях восприятия и оценки, вынуждает правозащитников юридически профессионализиро-

ваться. В результате происходит смена профессионального «лица» правозащитников, а также переопределение не только целей и задач, но и комплекса методов и тактических действий, используемых для их достижения, критериев эффективности работы, а также организации рабочего процесса.

Примером юридической профессионализации может служить деятельность созданной в 2000 г. Региональной общественной организации «Комитет против пыток». Используемая Комитетом организационная модель может быть охарактеризована как профессионально-юридическая [Масловская 2016]. Она предполагает, что контроль над деятельностью правоохранительных органов является функцией носителей юридической компетенции. Сотрудниками организации постепенно становились юристы с различным опытом профессиональной работы, которых объединяло нежелание принять особенности сложившихся в государственных органах формальных и неформальных практик. Участие в конференциях и обучающих семинарах, включенность организации в международные сетевые сообщества, способствовали формированию своей идентичности, соединяющей в себе правозащитную и юридическую составляющие, трансформируя представления о праве, типичные для российских юристов.

В вопросе о природе права и источниках его легитимности правозащитники стали придерживаться подхода, получившего наибольшее развитие в США в 1960-1970-е гг. в рамках движения за право общественных интересов. Согласно взглядам сторонников этого движения, право должно быть продуктом дискурса в публичной сфере, а не монолитным сводом правил, полученным из рук высшей власти. В условиях ослабленной публичной сферы суды могут выступать площадкой, на которой происходит артикуляция различных представлений об общественном интересе. Именно поэтому основным направлением деятельности юридически профессионализирующихся правозащитников становится активное целенаправленное лоббирование.

Однако по мере расширения организации возникли трудности с привлечением новых кадров. Поиск юристов, разделяющих принципы деятельности организации и не стремящихся к получению дополнительных заработков, что могло бы привести к конфликту интересов, оказался чрезвычайно сложной задачей. Кроме того, особенности общеправового габитуса диктовали определенные ценности, карьерные стратегии и способы их реализации, при этом возможности карьерного роста внутри организации ограничены. Незрелость публичной сферы и гражданского общества не позволяла рассматривать работу в правозащитной организации как трамплин для достижения более высокого статуса в профессиональной иерархии, как это происходит в США или во Франции [Kawar 2011]. Несовпадение ожиданий и требований к сотруднику правозащитной организации в некоторых случаях приводило к уходу из организации квалифицированных юристов в адвокатуру, коммерческий сектор, где они могли зарабатывать существенно больше благодаря, в том числе, и накопленному в организации профессиональному опыту.

¹ Резолюция о соблюдении адвокатской этики от 18 апреля 2019 г. Документы Всероссийского съезда адвокатов // <https://fparf.ru/documents/documents-of-the-congress/resolution-on-the-observance-of-legal-ethics/> (Обращение к документу 23.05.2019).

² Как отмечает И. Новиков "Кто-то за него вступился, кто-то не вступился. Кто-то сказал, что "да, он, конечно, тоже адвокат, но я на одном правовом поле с ним не хочу, и вообще пусть он разбирается со своими проблемами сам" // <https://echo.msk.ru/programs/year2019/2440413-echo/> (Обращение 15.06.2019)

В организации оставались только те, у кого под влиянием правозащитной деятельности постепенно трансформировались воспринятые в процессе получения юридического образования и профессиональной социализации установки, а также стандарты и модели поведения. В результате, проявлялась тенденция к возникновению альтернативной формы профессионализации, изменяющей общеправовой габитус. Данная тенденция, как отмечают зарубежные исследователи, характерна для юристов, которые действуют в интересах исключенных групп. Тем не менее, эти юристы никогда полностью не выходят из-под влияния диспозиций и интересов акторов юридического поля [Kawar, 2011: 358-359], что особенно заметно во взаимоотношениях сотрудников организации и пострадавших, и проявляется как несоответствие установок профессиональных юристов и обычных людей в видении перспектив дела.

В ходе судебных процессов юристы-правозащитники стремятся мобилизовать наличные юридические ресурсы (не только российское законодательство, но и постановления ЕСПЧ) и использовать их как символическое оружие. Сочетание юридических ресурсов позволяет сотрудникам Комитета увеличивать собственный вес в юридическом поле, изменяя стереотипные и стигматизирующие представления о своей деятельности. Вполне закономерно, что интересам правозащитников, чей статус в иерархии профессиональных акторов юридического поля постоянно подвергается сомнению, отвечает превращение суда в нейтральное пространство, в котором прямое столкновение интересов преобразовано в юридически регламентированные прения.

Важным элементом юридической профессионализации правозащитников стала практика обращения в ЕСПЧ с исками от лица пострадавших. Внутри реестра юридических услуг литигирование в ЕСПЧ характеризуется как высокоспециализированная юридическая деятельность, требующая особого набора навыков, знаний и умений [Madsen 2007]. Учитывая незначительность влияния постановлений ЕСПЧ на модели поведения российских правоприменителей, в частности, судей, а также особенности функционирования Суда и его судебную практику, юристы международно-правового отдела Комитета выработали систему критериев отбора дел, в рамках которой получение компенсации пострадавшим не является определяющим мотивом при подаче жалобы в Суд. При отборе материала юристы организации, прежде всего, принимали во внимание степень истощенности внутригосударственных средств защиты или их неэффективность. Наиболее значимым было определение того, насколько обширна практика ЕСПЧ по аналогичным делам в отношении не только России, но и других стран. В ряде случаев сотрудники Комитета выступали в коалиции с другими правозащитными организациями, что усиливало их позицию.

Постепенно методику общественного расследования, разработанную сотрудниками организации, начали использовать правозащитники в различных регионах России. Наряду с этим возрастала включенность Комитета в сетевые структуры благодаря созданию коалиций с другими правозащитными организациями для представления совместных исков в Конституционный Суд и ЕСПЧ, а также при подготовке аналитических материалов для межпарламентских и межправительственных организаций.

Заключение

Опираясь на основные положения концепции юридического поля, мы проанализировали трансформацию института адвокатуры и процессы юридической профессионализации правозащитных организаций. В начале 1990-х гг. традиционная компетенция адвокатов в значительной степени перестала отвечать новому состоянию юридического поля. Изменение юридических потребностей и действия ведомственной бюрократии способствовали возникновению разнообразия организационных структур и акторов данного поля. В результате сформировались различные интересы и подходы к осуществлению юридических услуг, а также управлению юридической деятельностью. Усилилась конкурентная борьба внутри профессиональной группы за установление стандартов профессионального поведения, перераспределение символического и экономического капитала, монополию на соответствующем рынке услуг.

Хотя в некоторых аспектах своей деятельности адвокаты все же пытаются подчеркнуть свою профессиональную автономию, в целом сохраняется сформированная в советский период модель взаимодействия института адвокатуры и поля политики. Кроме того, российские адвокаты, отстаивая свои профессиональные интересы, демонстрируют отсутствие политической активности. Следствием является ограничение возможности социального использования права и отсутствие у адвокатов социальной поддержки вне юридического поля.

Защита прав уязвимых групп населения является предметом заботы некоммерческих и правозащитных организаций. Юридическая профессионализация таких организаций структурируется неравным доступом к материальным и символическим ресурсам. Организационная модель, используемая юристами-правозащитниками, отражает конфигурацию и динамику властных отношений как внутри юридического поля, так и за его пределами. Результаты проведенного анализа подтверждают тенденцию к возникновению в правозащитных организациях альтернативной формы профессионализации, изменяющей общеправовой габитус, и особой идентичности, соединяющей в себе правозащитную и юридическую составляющие.

Литература:

- Баренбойм П., Мозолин П., Резник Г. Правовая реформа XXI века и адвокатура. М.: Юстицинформ, 2007.
- Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля. // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С. 75-128.
- Корнеева А.Е. Современные адвокаты: профессиональная практика в процессе трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 2. С. 132-151.
- Масловская Е.В. Юридическая профессионализация правозащитной организации: кейс-стади «Комитета против пыток» // Мир России. 2016. № 3. С. 126-148.
- Dezalay Y., Madsen M. The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law // The Annual Review of Law and Social Science. 2012. Vol. 8. P. 433-452.
- Francis A. At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism. Farnham: Ashgate, 2011.
- Hendley K. Mapping the Career Preferences of Russian Law Graduates // International Journal of the Legal Profession. 2018. Vol. 25. No 3. P. 261-277.
- Jordan P. The Russian Advokatura (Bar) and the State in the 1990s // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No 5. P. 765-791.

Jordan P. *Defending Rights in Russia: Lawyers, the State and Legal Reform in the Post-Soviet Era*. Toronto: UBC Press, 2005.

Kawar L. *Legal Mobilization on the Terrain of the State: Creating a Field of Immigrant Rights Lawyering in France and the United States* // *Law and Social Inquiry*. 2011. Vol. 36. No 2. P. 354-387.

Kazun A., Yakovlev A. *Who Demands Collective Action in an Imperfect Institutional Environment? A Case Study of the Profession of Advocates in Russia* // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. No 1. P. 60-71.

Madsen M. *From Cold War Instrument to Supreme European Court: the European Court of Human Rights at the Crossroads of International and National Law and Politics* // *Law and Social Inquiry*. 2007. Vol. 32. No 1. P. 137-159.

McCann M. *Law and Social Movements: Contemporary Perspectives* // *Annual Review of Law and Social Science*. 2006. Vol. 2. P. 17-38.

Mrowczynski R. *Institutional Professionalization of Lawyers in State-so-*

cialism and Post-socialism: Poland and Russia Compared // *International Journal of the Legal Profession*. 2016. Vol. 23. No 2. P. 157-184.

Owen C. «Consentful Contention» in a Corporate State: Human Rights Activists and Public Monitoring Commissions in Russia // *East European Politics*. 2015. Vol. 31. No 3. P. 274-293.

Sarat A., Scheingold S. (eds.) *Cause Lawyering: Political Commitments and Professional Responsibilities*. New York: Cambridge University Press, 1998.

Sommerlad H. *Researching and Theorizing the Processes of Professional Identity Formation* // *Journal of Law and Society*. 2007. Vol. 34. No 2. P. 190-217.

Van der Vet F. *Holding on to Legalism: the Politics of Russian Litigation on Torture and Discrimination before the European Court of Human Rights* // *Social and Legal Studies*. 2014. Vol. 23. No 3. P. 361-381.

Transformation of the Institute of advocacy and processes of legal professionalization in post-Soviet Russia

Elena Maslovskaya

Lead researcher,

Sociological Institute of FCTAS RAS, St.-Petersburg,
Russian Federation

E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

The article analyzes from the perspective of the theory of juridical field the process of institutional professionalization of advocates in post-Soviet Russia. The author makes a conclusion that the emergence of new institutional and individual actors of the juridical field facilitated the formation of various interests and approaches to delivery of juridical services. In spite of the formation in the early 2000s of a single organizational structure of the advocates' community this community remains divided and stratified. In some aspects of their activities the advocates try to defend their professional autonomy. Nevertheless, in the situation of internal conflicts the Soviet-style model of interaction between the Bar and the state is actualized. Juridical professionalization of organizations defending the rights of vulnerable groups is regarded as structured by unequal access to material and symbolic resources. Special attention is devoted by the author to formation in such organizations of an alternative form of professionalization of human rights lawyers with the potential to change their juridical habitus and create a specific identity that combines elements of human rights activism and legal professionalism.

Key words: sociology of law, juridical field, the Bar, professional identity, juridical professionalization

doi:10.33491/telescope2019.401

References

Barenboim P., Mozolin P., Reznik G. (2007) *Legal Reform of the 21st Century and the Bar*. Moscow: Yustitsinform. (In Russ.)

Bourdieu P. (2005) *The Force of Law: Foundations of Sociology of Juridical Field*. In: Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. St.-Petersburg: Aleteya. P. 75-128. (In Russ.)

Dezalay Y., Madsen M. (2012) *The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law*. *The Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 8. P. 433-452.

Francis A. (2011) *At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism*. Farnham: Ashgate.

Hendley K. (2018) *Mapping the Career Preferences of Russian Law Graduates*. *International Journal of the Legal Profession*. Vol. 25. No 3. P. 261-277.

Jordan P. (1998) *The Russian Advokatura (Bar) and the State in the 1990s*. *Europe-Asia Studies*. Vol. 50. No 5. P. 765-791.

Jordan P. (2005) *Defending Rights in Russia: Lawyers, the State and Legal Reform in the Post-Soviet Era*. Toronto: UBC Press.

Kawar L. (2011) *Legal Mobilization on the Terrain of the State: Creating a Field of Immigrant Rights Lawyering in France and the United States*. *Law and Social Inquiry*. Vol. 36. No 2. P. 354-387.

Kazun A., Yakovlev A. (2017) *Who Demands Collective Action in an Imperfect Institutional Environment? A Case Study of the Profession of Advocates in Russia*. *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 8. No 1. P. 60-71.

Korneeva A. (2006) *Contemporary Advocates: Professional Practice in the Process of Transformation*. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 9. No 2. P. 132-151. (In Russ.)

Madsen M. (2007) *From Cold War Instrument to Supreme European Court: the European Court of Human Rights at the Crossroads of International and National Law and Politics*. *Law and Social Inquiry*. Vol. 32. No 1. P. 137-159.

Maslovskaya E. (2016) *Juridical Professionalization of a Human Rights NGO: Case Study of the Committee Against Torture*. *Mir Rossii*. No 3. C. 126-148. (In Russ.)

McCann M. (2006) *Law and Social Movements: Contemporary Perspectives*. *Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 2. P. 17-38.

Mrowczynski R. (2016) *Institutional Professionalization of Lawyers in State-socialism and Post-socialism: Poland and Russia Compared*. *International Journal of the Legal Profession*. Vol. 23. No 2. P. 157-184.

Owen C. (2015) «Consentful Contention» in a Corporate State: Human Rights Activists and Public Monitoring Commissions in Russia. *East European Politics*. Vol. 31. No 3. P. 274-293.

Sarat A., Scheingold S. (eds.) (1998) *Cause Lawyering: Political Commitments and Professional Responsibilities*. New York: Cambridge University Press.

Sommerlad H. (2007) *Researching and Theorizing the Processes of Professional Identity Formation*. *Journal of Law and Society*. Vol. 34. No 2. P. 190-217.

Van der Vet F. (2014) *Holding on to Legalism: the Politics of Russian Litigation on Torture and Discrimination before the European Court of Human Rights*. *Social and Legal Studies*. Vol. 23. No 3. P. 361-381.